ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать второй. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 20-го Мая 1884 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1884 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 20.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

— *№ 828. Отъ 25-го—27-го апрѣля 1884 года. О Высочайше утвержденныхъ, 20-го апрѣля 1884 года, новыхъ уставѣ и штатѣ духовныхъ академій.* Св. Правител. Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21-го минувшаго апрѣля за № 1831, въ коемъ изъясняетъ, что, въ исполненіе опредѣленія Св. Синода, онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору новые уставъ и штатъ духовныхъ академій, изготовленные учрежденнымъ для начертанія оныхъ комитетомъ и, по исправленіи, одобренные Святѣйшимъ Синодомъ. Его Императорское Величество, въ 20-й день минувшаго апрѣля, утвердивъ таковые уставъ и штатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить Святѣйшему Синоду приступить, съ начала будущаго 1884—1885 учебнаго года, къ введенію въ дѣйствіе означенныхъ устава и штата. Приказали: I) Высочайше утвержденные, въ 20-й день минувшаго апрѣля, уставъ и штатъ духовныхъ академій, по напечатаніи ихъ въ здѣшней синодальной типографіи, въ числѣ 1,200 экземпляровъ, разослать въ синодальныя конторы, членамъ Святѣйшаго Синода и епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ, въ подлежащемъ каждому изъ преосвященныхъ количествѣ, какъ для нихъ лично, такъ для духовныхъ академій (гдѣ онѣ находятся), духовныхъ семинарій, епархіальныхъ консисторій, состоящихъ при преосвященныхъ канцелярій, а равно и викарныхъ архіереевъ, для припечатанія же устава и штата въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ препроводить печатные экземпляры оныхъ въ редакцію названнаго журнала при выпискѣ. II) На основаніи 2 пункта изъясненной въ настоящемъ предложеніи Высочайшей воли ввести новые уставъ и штатъ съ начала 1884—1885 учебнаго академическаго года во всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ. III) Существующія въ Имперіи духовныя семинаріи раздѣлить на четыре округа, по числу духовныхъ академій, слѣдующимъ образомъ: а) *с.-петербургскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) с.-петербургская, 2) новгородская, 3) псковская, 4) рижская, 5) архангельская, 6) олонецкая, 7) литовская, 8) холмская, 9) могилевская, 10) минская, 11) витебская и 12 тверская; б) *московскій духовно-учебный округъ*— 1) московская, 2) виѳанская, 3) владимірская, 4) нижегородская, 5) костромская, 6) вологодская, 7) ярославская, 8) пензенская, 9) тамбовская, 10) рязанская, 11) тульская, 12) орловская, 13) калужская и 14) смоленская; в) *кіевскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) кіевская, 2) волынская, 3) подольская, 4) одесская, 5) кишиневская, 6) полтавская, 7) екатеринославская, 8) черниговская, 9) курская, 10) воронежская, 11) харьковская, 12) таврическая, 13) донская, 14) кавказская и 15) тифлисская; г) *казанскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) казанская, 2) вятская, 3) симбирская, 4) самарская, 5) саратовская, 6) астраханская, 7) пермская, 8) уфимская, 9) оренбургская, 10) тобольская, 11) томская, 12) иркутская, 13) благовѣщенская и 14) якутская. IV) Нынѣ же, объявивъ правленіямъ семинарій и духовныхъ училищъ о принадлежности ихъ къ округу той или другой академіи, предписать имъ не позже 1-го будущаго іюня представить въ подлежащіе академическіе совѣты свѣдѣнія объ имѣющихся вакантныхъ учительскихъ должностяхъ въ семинаріяхъ и училищахъ и помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ; сообщеніе же таковыхъ свѣдѣній въ канцелярію Оберъ-Прокурора Св. Синода къ 1-му мая прекратить, и затѣмъ о каждой имѣющей вновь открыться (послѣ 1-го іюня) вакансіи немедленно сообщать, по прежнему, въ канцелярію Оберъ-Прокурора. V) Поручить совѣтамъ духовныхъ академій, по полученіи означенныхъ выше представленій о вакантныхъ въ ихъ округахъ мѣстахъ для окончившихъ курсъ воспитанниковъ академій, войти въ соображеніе о распредѣленіи ихъ на означенныя мѣста, и соображенія сіи доставить, для дальнѣйшихъ распоряженій, въ Святѣйшій Синодъ не позже 15-го іюля текущаго года; одновременно съ тѣмъ относительно воспитанниковъ, не получающихъ на первый разъ назначенія на духовно-учебную службу совѣтами должны быть сообщены Оберъ-Прокурору свѣдѣнія о томъ, къ какой должности признается тотъ или другой изъ воспитанниковъ наиболѣе способныхъ, каковыя свѣдѣнія и будутъ принимаемы центральнымъ управленіемъ во вниманіе при послѣдующемъ въ теченіи учебнаго года замѣщеніи вакансій въ училищахъ и семинаріяхъ, которое будетъ совершаться, на прежнемъ основаніи, по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію центральнаго управленія. VI) Пояснить совѣтамъ академій и правленіямъ духовныхъ училищъ, что замѣщеніе должностей смотрителей духовныхъ училищъ и ихъ помощниковъ совершается прежнимъ порядкомъ, установленнымъ Высочайше утвержденнымъ 24 октября 1881 года опредѣленіемъ Св. Синода, и потому всѣ свѣдѣнія о таковыхъ вакансіяхъ должны, по прежнему, поступать къ Оберъ-Прокурору Св. Синода. О содержаніи настоящаго опредѣ-

ленія поставить печатными указами въ извѣстность епархіальныхъ преосвященыхъ архіереевъ, для зависящихъ съ ихъ стороны, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій къ исполненію сего опредѣленія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ, 20 апрѣля 1884 года.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу ходатайства преосвященныхъ митрополита кіевскаго и архіепископа холмско-варшавскаго, въ 21-й день апрѣля 1884 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: уволить преосвященныхъ митрополита *Платона* и архіепископа *Леонтія*, въ первой половинѣ текущаго мая, во ввѣренныя имъ епархіи для обозрѣнія оныхъ и устройства епархіальныхъ дѣлъ впредь до Высочайшаго повелѣнія о вызовѣ ихъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Мѣстныя Распоряженія.

— 13 мая, утверждены въ должности **церковныхъ старостъ** выбранные къ церквамъ: 1) Бездѣжской Свято-Троицкой, Кобринскаго уѣзда, крест. м. Бездѣжа *Викторъ Степановъ Янущикъ*; 2) къ Бездѣжской св.-Николаевской, крест. м. Бездѣжа *Михаилъ Ивановъ Кукса*; 3) Нововольской, Бѣлостокскаго уѣзда, крестьянинъ с. Нововоли *Дмитрій Никифоровъ Медвѣдь*; 4) Потокской, того же уѣзда, крест. дер. Тыльвицъ *Осипъ Зубрицкій*; 5) Городокской, крест. м. Городка *Степанъ Васильевъ Барановскій*; 6) Ятвѣской, Волковыскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ *Тимоѳей Петровъ Волковъ*.

— 16 мая,—выбранный къ Городиловской церкви, Ошмянскаго уѣзда, крест. дер. Журевичъ *Игнатій Константиновъ Вислицкій*.

Мѣстныя Извѣстія.

— 8 и 9 мая **возведены въ санъ протоіерея** настоятели церквей: Вилейской *Иларіонъ Выржиковскій* и Поневѣжской *Петръ Омеляновичъ*.

— **Некрологъ.** 1 мая, скончался настоятель Езерницкой церкви, Слонимскаго уѣзда, священникъ *Матѳей Троепольскій*, на 41 году жизни.

— **Пожертвованія.** Предъ пасхой чиновниками г. Волковыска, прихожанами Волковыской церкви, пожертвовано, вслѣдствіе обращенія къ нимъ мѣстнаго настоятеля священника Димитрія Булгаковскаго, 308 руб. на покраску иконостаса, устройство балдахина надъ плащаницею и другіе предметы благолѣпія Петропавловской церкви. Кромѣ того церковнымъ старостою Спасобочаринской церкви въ С.-Петербургѣ г. Васильевымъ пожертвовано четыре пары воздуховъ, изъ коихъ двѣ пары вышитые серебромъ, на сумму 40 руб. и торговцемъ г. Волковыска Тимоѳеемъ Хаминымъ 15 аршинъ парчи и коверъ въ алтарь, на сумму 25 руб., а всего пожертвованій на 373 руб. Сверхъ того госпожа Меньшикова, сестра Волковыскаго воинскаго начальника, употребила свой трудъ на устройство балдахина, а г. Волоцкая—дочь отставного капитана, пошила облаченія на аналогіи.

Прихожане и мѣстный причтъ Самуиловичской церкви пожертвовали на покупку новаго колокола 248 руб. Колоколъ отлитъ на заводѣ г. Лаврова въ Гатчино, вѣсомъ 13 пудовъ 25 ф. и ко дню минувшаго свѣтлаго Христова Воскресенія водруженъ на колокольнѣ.

— **Вакансіи—Настоятеля:** въ с. *Порозовѣ*—Волковыскаго уѣзда, въ *Езерницѣ*—Слонимскаго уѣзда, въ с. *Гнѣздиловѣ*—Виленскаго уѣзда и въ с. *Иказни*—Дисненскаго уѣзда. **Помощника:** въ м. *Батуринѣ*—Хотенчицкой церкви—Вилейскаго уѣзда. **Псаломщика:** при Брестскомъ городскомъ соборѣ, при Пружанской Пречистенской церкви, въ м. *Остринѣ*—Лидскаго уѣзда, въ с. *Бѣловѣжѣ*, *Хоревѣ* и *Малчѣ*—Пружанскаго уѣзда, въ с. *Юровлянахъ*—Сокольскаго уѣзда, въ м. *Чернавчицахъ*—Брестскаго уѣзда и въ г. *Трокахъ*.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Исторія обряда совершеннолѣтія.

Торжественно празднуемый обрядъ освященія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича принадлежитъ къ кореннымъ русскимъ религіозно-бытовымъ обычаямъ, и начало его относится къ глубокой древности. Въ виду совершившагося нынѣ высокоторжественнаго акта, прилично вспомнить исторію этого обряда, которая едва ли многимъ извѣстна.

Конечно, вполнѣ обстоятельную исторію о данномъ интереснымъ предметѣ могъ-бы дать ученый спеціалистъ,—я же, дилеттантъ по части исторической науки, могу предложить читателямъ лишь бѣглый очеркъ этой исторіи, а потому заранѣе прошу о снисхожденіи, оговариваясь послѣсловіемъ смиреннаго лѣтописца: „еже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога ради, а не кляните, занеже-—умъ молодъ не дошелъ...“

Описываемый обрядъ существуетъ спискони у многихъ народовъ, но мы здѣсь ограничимся лишь его исторіей на Руси.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, онъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, былъ занесенъ къ намъ съ востока, но это едва-ли вѣрно, какъ сомнительно также и утвержденіе норманистовъ, будто предки наши заимствовали его у варяговъ. Естественнѣе предположить, что празднованіе совершеннолѣтія возникло у насъ самостоятельнымъ путемъ, наряду съ другими семейно-родовыми праздниками, каковы, напримѣръ, родины и имянины, свадьба и пр. Начало всѣхъ такихъ первобытныхъ праздниковъ лежитъ въ самой натурѣ человѣка, радующагося жизни и продолженію своего рода. Отсюда, сама собой, должна была явиться и идея празднованія совершеннолѣтія, какъ одного изъ знаменательныхъ и торжественныхъ моментовъ въ жизни человѣка и въ развитіи его организма, когда происходитъ дивный, полный счастливаго разцвѣта жизненной силы, переходъ отъ нѣжнаго, робкаго отрочества къ мощному, стройному, дѣятельному мужеству.

Обрядовая сторона этого, какъ и всякаго другаго народнаго праздника, происходила и зависѣла непосредственно отъ бытовыхъ условій племени, отъ рода его занятій и семейныхъ отношеній. Въ нашей земледѣльческой деревнѣ отрокъ, достигающій совершеннолѣтія, посвящается въ „работника", становится за соху, берется за косу, дѣлается „пахаремъ", если на первый разъ и не настоящимъ, то—помощникомъ отцу. Посвященіе это не ознаменовывается въ крестьянскомъ быту особенными праздниками и обрядами, такъ какъ самое пріобрѣтеніе почетнаго званія „работника" въ семьѣ не нуждается въ образной символикѣ, а дается самимъ дѣломъ, какъ дѣйствительно совершившійся фактъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смѣшаннаго быта до сихъ поръ у насъ соблюдается народомъ старинный традиціонный обрядъ символическаго освященія совершеннолѣтія. Соблюдается онъ, между прочимъ, въ казачествѣ, и заключается, главнымъ образомъ, въ *сажаніи на коня*. Мальчикъ, достигшій извѣстныхъ лѣтъ, сажается торжественно отцомъ и родичами на коня и этимъ самымъ посвящается въ „казаки". Съ этого момента онъ уже не ребенокъ, а—,,казакъ'', ,,молодчикъ'', ,,воинъ''... Обрядъ этотъ имѣетъ значеніе совершеннолѣтія и въ семейномъ отношеніи, какъ показываетъ слѣдующая народная пословица: ,,невѣста рядится, а женихъ *на конь садится*'', т. е., выражаетъ этимъ свою зрѣлость, свою мужество и молодечество.

,,Сажаніе на коня'' было эмблемой совершеннолѣтія въ нашемъ древнѣйшемъ дружинно княжескомъ быту. Любопытно остановиться здѣсь на одномъ косвенномъ, наглядномъ указаніи. Извѣстно, что у дѣтей, особенно у городскихъ и дворянскихъ, самая любимая игра—,,въ лошадки'', въ видѣ-ли ѣзды на палочкѣ, катанья-ли на лошадиной куклѣ, и т. п. Эта страсть къ лошади, къ наѣздничеству въ дѣтяхъ-мальчикахъ, какъ-бы, врожденная, и, обыкновенно, никто не отдаетъ себѣ отчета, какъ и откуда она въ нихъ берется? А, между тѣмъ, въ этой ребяческой игрѣ сказывается одно изъ любопытнѣйшихъ явленій культурно-историческаго атавизма. Дѣти въ своихъ играхъ всегда подражаютъ взрослымъ, и дѣтскія игры имѣютъ такую-же свою исторію, какъ и всякія другія черты и особенности общественнаго быта. Страсть и уваженіе къ лошади, охота къ наѣздничеству, обнаруживаемыя дѣтьми, идутъ преемственно, чрезъ многіе ряды поколѣній, отъ тѣхъ далекихъ временъ, когда владѣніе конемъ и ѣзда на немъ составляли и право, и привилегію. Это было драгоцѣнное право благородства, гражданства, какъ указываютъ на то, напримѣръ, самыя названія привиллегированныхъ классовъ—въ Римѣ *всадниками*, въ средневѣковой Европѣ *рыцарями*, а у насъ *князьями* (слово *князь* однородно съ древнимъ славянскимъ *комоничемъ* и производится отъ *коня, комоня*).

Владѣніе конемъ и наѣздничество, въ связи съ воинственной выправкой и бранной доблестью, было отличительной чертой и преимуществомъ князей и ихъ дружины. Замѣчательно, однако, что норманны до XII столѣтія не знали верховой ѣзды, и—это обстоятельно является однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ теоріи норманскаго происхожденія Руси, такъ какъ извѣстно, что русскіе князья и ихъ дружинники задолго до XII в. уже ѣздили на коняхъ и иначе не выходили въ поле. Но, при этомъ, должно замѣтить, что въ древней Руси верховая ѣзда была исключительной особенностью, если не правомъ, одного лишь правящаго класса, какъ это было и въ другихъ странахъ. Когда случались войны и снаряжалась рать, то комплектовавшіе ее пахари, сельскіе люди, выходили въ поле пѣшіе, а на коняхъ выѣзжали одни только князья, воеводы и дружинники. Это различіе было результатомъ не одной лишь привилегированности одного класса передъ другимъ,—просто, русскіе ратники изъ крестьянъ-земледѣльцевъ не мастера были держаться на конѣ и сами предпочитали совершать походы и сражаться пѣшимъ строемъ. Были случаи, что князья пытались превратить ихъ въ кавалеристовъ, но—неудачно: сами ратники въ рѣшительную минуту покидали своихъ коней и шли въ бой пѣшіе. Въ лѣтописяхъ записано нѣсколько такихъ случаевъ. Разъ, князь новгородскій Мстиславъ вывелъ всю свою рать на коняхъ; но когда она встрѣтилась со врагомъ, то скороспѣлые кавалеристы изъ пахарей сказали: ,,княже, не хочемъ измерети (т. е. умереть) на коних, но яко отчи наши билися на Кулачскѣ пѣши''... Мстиславъ ,,радъ бысть тому''. Тогда воины пахари слѣзли съ коней, сняли съ себя порты, разулись (боси, сапогы съметавше) ринулись въ бой и побѣдили.

Вслѣдствіе такого порядка, обрядъ „сажанія на коня", въ ознаменованіе совершеннолѣтія, имѣлъ мѣсто въ древней Руси только въ средѣ правящаго класса—князей и дружинниковъ, которые были мыслимы, какъ „комоничи", конники, всадники. Съ теченіемъ времени ѣзда на конѣ стала признакомъ соціально-сословнаго различія, обратилась въ привилегію, откуда и происходитъ цѣлый рядъ, до сихъ поръ удержанныхъ въ памяти народной, характерныхъ пословицъ, каковы, напримѣръ: „Счастье на конѣ, безсчастьѣ подъ конемъ"; „Счастливый на конѣ, а безсчастный пѣшъ"; „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней"; „Пѣшій конному—не товарищъ" и т. д. Послѣдняя пословица понимается нынѣ въ смыслѣ физической невозможности угнаться пѣшему за коннымъ, въ историческомъ же отношеніи она имѣетъ чисто-соціальный смыслъ...

Чисто семейный праздникъ совершеннолѣтія,—въ своемъ первообразѣ,—съ теченіемъ времени, когда стала выдѣляться правящая власть, когда родовое начало нашло себѣ высшее отождествленіе въ князя,—превратился въ праздникъ цѣлаго рода, пріобрѣлъ значеніе государственное. Наши древніе лѣтописцы, такіе, вообще, лаконическіе и сжатые, тѣмъ не менѣе, очень старательно записывали всѣ случаи празднованія совершеннолѣтія владѣтельныхъ юныхъ княжичей, безъ сомнѣнія, отвѣчая въ этомъ случаѣ требованіямъ времени.

Извѣстный историкъ г. Забѣлинъ въ одномъ изъ своихъ т лантливыхъ изслѣдованій, очень удачно замѣтилъ, что въ древней Руси играла роль не *личность*, а *отечество*, т. е. совершенно наоборотъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Западной Европѣ.

„У насъ,—говоритъ онъ,—идеалъ хорошаго, достойнаго человѣка личность искала не въ самой себѣ, а въ своемъ *отечествп*, въ своемъ родѣ, именно, въ своемъ родовомъ старшинствѣ. По нашимъ старымъ понятіямъ, человѣкъ почитался въ обществѣ достойнымъ не потому, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ высокъ своими умственными и нравственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первѣе всего потому, что высокъ былъ своимъ родовымъ старшинствомъ, т. е., старшинствомъ своего рода или старшиствомъ въ своемъ родѣ. По крайней мѣрѣ, такъ, а не иначе думало объ этомъ общежитіе, такъ понимало личное достоинство наша старая общественность. Мѣсто въ обществѣ человѣку указывали его родъ, его отечество, а не личные таланты и доблести“.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, почему наши лѣтописцы придавали значеніе особенно важнаго событія обряду „сажанія на коня“ молодыхъ княжичей, почему все современное общество смотрѣло на эту церемонію, какъ на государственное торжество. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ выступала наружу съ особенной живостью идея рода и инстинктъ его самосохраненія:—въ лицѣ молодаго княжича, наслѣдника царствующаго излюбленнаго князя, родъ видѣлъ свѣтлый залогъ своего будущаго преуспѣянія, своего внутренняго и внѣшняго укрѣпленія. Во время удѣльной системы, первостольные князья посылали на удѣлы своихъ сыновей въ малолѣтствѣ, какъ-бы на воспитаніе къ ихъ будущимъ подданнымъ. Такимъ образомъ, Владиміръ святой „посади Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ“, и т. д., въ то время, какъ старшему изъ нихъ было всего семь лѣтъ. Но города и области охотно принимали этихъ малолѣтнихъ князей, признавали ихъ своими законными волостелями, видя въ нихъ представителей и стратиговъ рода. Города не любили оставаться безъ князей и, въ тоже время, всегда были рады сами ихъ для себя „вскармливать“. Это въ особенности нужно сказать о Новгородѣ. Разъ новгородцы явились къ Святополку кіевскому и заявили, что не хотятъ его сына, потому что,—сказали они,—мы „*въскормили* есмы себѣ князя“ своего, и, кромѣ него, другаго не желаемъ.

Обыкновенно, назначенію на удѣлъ и вступленію въ княжескія права предшествовалъ обрядъ совершеннолѣтія княжича. Обрядъ этотъ въ дружинно-княжеской Руси справлялся весьма торжественно и всенародно. Состоялъ онъ изъ двухъ главныхъ церемоній—*постриговъ* и *сажанія на коня*.

„Постриги“—старинный общеславянскій обрядъ языческаго происхожденія. Напримѣръ, у поляковъ сохранилось преданіе, что два таинственные странника, въ благодарность за богатое ихъ угощеніе Пястомъ, постригли его сына Семовита, ставшаго впослѣдствіи владѣтельнымъ княземъ.

Во всѣхъ почти патріархальныхъ культахъ человѣческіе волосы играютъ важную религіозную роль. Отсюда отпусканіе волосъ и ихъ стрижка имѣли священное значеніе и подчинялись установленнымъ обрядамъ. Это сохранилось и до сихъ поръ въ христіанскомъ обрядѣ „постриженія“. „Постриги“, которыми ознаменовывалось совершеннолѣтіе, заключались, именно, въ постриженіи. Молодаго княжича, достигшаго совершеннолѣтія, наряжали въ парадную княжескую одежду, церемоніально вели въ церковь, гдѣ, по совершеніи литургіи и молебна, епископъ постригалъ его, потомъ по выходѣ изъ церкви, его сажали на приготовленнаго коня, везли съ такой-же церемоніальностью домой—въ отчія палаты. Торжество кончалось великимъ пиромъ и раздачей родителемъ-княземъ богатыхъ даровъ гостямъ.

Обрядъ этотъ имѣлъ нерѣдко значеніе непосредственнаго вступленія на удѣльный престолъ, т. е. празднованіе совершеннолѣтія отождествлялось въ этихъ случаяхъ съ княжескимъ вѣнчаніемъ, такъ что княжичъ, садясь на коня, одновременно *садился* и *на столъ*. Совпаденіе совершенно естественное, такъ какъ съ признаніемъ совершеннолѣтія логически признавались и коренное право княжича, и его способность на княженіе. Предположеніе это подтверждаютъ и лѣтописи. Такъ, напр., въ новгородской лѣтописи читаемъ: Въ такое-то лѣто „князь Михаилъ створи *постриги* сынови своему Ростиславу, въ Новѣгородѣ, у святѣи Софіи; и уя власъ архіепископъ Спиридонъ и *посади его на столъ*, а самъ поиде въ Цьрниговъ“. Въ данномъ случаѣ „постриги“ и посаженіе „на столъ“ совершены были въ стольномъ городѣ самаго удѣла, который получалъ постригаемый князь; но чаще „постриги“ назначаемыхъ на удѣлы княжичей происходили при родительскомъ великокняжескомъ дворѣ, обыкновенно, въ присутствіи пословъ отъ городовъ, „цѣловавшихъ крестъ“ постригаемому князю.

Въ такихъ формахъ обрядъ совершеннолѣтія соблюдался въ теченіи всего удѣльно-вѣчеваго періода нашей исторіи. Слѣдуетъ только замѣтить, что, ради политическихъ соображеній, самый срокъ естественнаго совершеннолѣтія очень часто игнорировался. Обыкновенно, княжичей постригали, сажали на коня и сажали на княжескій столъ въ весьма раннемъ, нерѣдко въ младенческомъ возрастѣ,—лѣтъ четырехъ, пяти и т. д. Этотъ порядокъ не считался неправильнымъ, потому что сохранялась самая идея даннаго обряда. До той-же поры, когда княжичъ входилъ въ возрастъ и былъ способенъ взять въ свои руки бразды правленія, къ нему назначался опекунъ и воспитатель изъ старыхъ, опытныхъ и довѣренныхъ дружинниковъ-бояръ. Называли такого опекуна и воспитателя „кормильцемъ“, „пѣстуномъ“. Въ лѣтописяхъ читаемъ: „Вольга бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ, съ дѣтьскомъ Святославомъ, и *кормилецъ* его Асмудъ...“ „И бѣ у Ярослава *кормилецъ* и воевода...“ и т. д. Такимъ же образомъ, у знаменитаго Владиміра святаго „кормильцемъ“ былъ столь-же знаменитый Добрыня, съ которымъ онъ, имѣя всего шесть лѣтъ отъ роду, пришелъ въ Новгородъ. Санъ „кормильца“ или „кормиличича“ при князѣ былъ чрезвычайно важнымъ и вліятельнымъ въ боярской іерархіи старинной Руси, особенно въ тѣ моменты, когда малолѣній владѣтельный княжичъ оставался сиротою.

Монгольское иго, касавшееся главнымъ образомъ, владѣтельныхъ правъ удѣльныхъ князей, повліяло и на установившійся въ древней Руси порядокъ вступленія княжичей на удѣльные столы по полюбовному „укладу“ съ городами. Вступленіе это и самый выборъ князя попадаетъ въ непосредственную зависимость отъ воли татарскихъ хановъ Золотой Орды. Кто щедрѣе платилъ ханамъ и ихъ сановникамъ, тотъ получалъ столъ, помимо всякихъ правъ и обоюдныхъ влеченій между князьями и населеніемъ. О старинномъ обрядѣ „постриговъ“, совпадавшихъ съ посаженіемъ на столъ, лѣтописцы больше не упоминаютъ. Осталось одно посаженіе на столъ, съ разрѣшенія хана и въ присутствіи его баскаковъ. Такимъ порядкомъ вступилъ, напримѣръ,

на владимірскій великокняжескій престолъ Александръ Невскій. Потомъ, съ объединеніемъ и укрѣпленіемъ государственной власти въ Москвѣ, рядомъ съ упроченіемъ единодержавной для всея Руси московской великокняжеской династіи, самое уже рожденіе наслѣдственнаго княжества, безъ всякихъ обрядностей, утверждало его и уполномочивало въ правахъ княженія. Вопросъ о совершеннолѣтіи не играетъ тутъ никакой роли, за то выступаетъ на первый планъ вѣнчаніе на царство, которое вовсе не соображается съ возрастомъ вѣнчаемаго. Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи были увѣнчаны царскимъ вѣнцомъ въ отрочествѣ. Петру тогда едва исполнилось десять лѣтъ. Понятно, что актъ вѣнчанія самъ собою удостовѣрялъ правоспособность вѣнчаемаго къ управленію.

Въ обыденномъ же ходѣ семейной жизни царствующаго дома въ московской Руси моментъ совершеннолѣтія членовъ царской семьи обозначался извѣстными обрядами и порядками. Вотъ какимъ образомъ, по разсказу Котошихина, проходило воспитаніе царевичей въ дни Алексѣя Михайловича до періода совершеннолѣтія.

Прежде всего, выбирали для царевича-младенца въ кормилицы „жену добрую, и чистую, и млекомъ сладосту, и здорову, и живетъ та жена у царицы наверху на воспитаніи годъ". Кромѣ кормилицы, къ царскому младенцу приставлялись изъ „боярынь честныхъ" мамка, да нянька, да иныя прислужницы". Когда царевичу исполнялось пять лѣтъ, его поручали, „для наученія и береженія", боярину, „честью великому, тиху и разумну", съ цѣлой свитой добронравныхъ окольничихъ, стольниковъ и дѣтей боярскихъ. „А какъ приспѣетъ время учити того царевича, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей тихихъ и не бражниковъ, а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ". Такимъ порядкомъ протекала жизнь царевича до пятнадцати лѣтъ и въ теченіе этого періода онъ содержался въ полномъ уединеніи, такъ что, кромѣ родныхъ и воспитателей его никто не могъ видѣть. Когда ему случалось выѣзжать изъ дворца, то самый экипажъ его закрывался отъ глазъ стороннихъ прохожихъ, нарочно для того приспособленными суконными полами, несомыми въ рукахъ служителями.

Пятнадцать лѣтъ считались терминомъ совершеннолѣтія для царевича. Тогда его „укажутъ всѣмъ людямъ" и онъ начинаетъ сопровождать отца въ выходахъ его въ церковь и на потѣхи. Моментъ исполненія совершеннолѣтія царевича очень чтился москвичами. „Какъ увѣдаютъ люди,—говоритъ Котошихинъ,—что ужъ царевича объявили, то изо многихъ городовъ на дивовище ѣздятъ смотрѣти его нарочно".

Обыкновенно, у нашихъ предковъ день рожденія совпадалъ съ днемъ имянинъ, поэтому празднованіе совершеннолѣтія царевича ознаменовывалось обычнымъ имениннымъ торжествомъ, очень церемоннымъ и пышнымъ въ старинной Москвѣ.

Послѣ обѣдни происходило поздравленіе вступившаго въ совершеннолѣтіе царевича-именинника, причемъ поздравлявшихъ онъ жаловалъ калачами, „а калачи эти сдѣланы долгіе, аршина въ два и въ три, толщиною въ четверть аршина". Потомъ слѣдовалъ пиръ на весь міръ. Кормили и поили, за здоровье именинника, духовенство, нищихъ, колодниковъ въ тюрьмахъ... Въ дворцовыхъ палатахъ къ царскому именинному столу приглашались бояре, высшее духовенство, знатные „гости". По окончаніи стола патріархъ говорилъ заздравную рѣчь въ честь виновника торжества, выпивалъ при этомъ чашу вина, потомъ подносилъ къ царю, царевичу, митрополитамъ и боярамъ.

Въ царствованіе Петра Великаго обрядъ совершеннолѣтія получилъ европейскую оболочку. Берхгольцъ записалъ интересную картину празднованія Петромъ совершеннолѣтія старшей его дочери, прелестной Анны Петровны. Ей тогда было менѣе пятнадцати лѣтъ. Когда собрался дворъ и всѣ знатные чины, царственные родители вывели изъ внутреннихъ покоевъ юную царевну. Она была еще одѣта въ отроческій костюмъ, съ кисейными крылышками за плечами, означавшими, по требованіямъ моды того времени, ангельскую невинность дѣвственнаго отрочества. Петръ взялъ ножницы и, возвѣстивъ совершеннолѣтіе дочери, отрѣзалъ у нея символическіе крылья. Всѣ присутствовавшіе поздравили царевну со вступленіемъ въ дѣвичью зрѣлость, и каждому изъ поздравлявшихъ она жаловала изъ собственныхъ рукъ стаканъ венгерскаго вина. Обрядъ закончился шумнымъ баломъ.

Изъ числа другихъ аналогичныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ столѣтіи, памятно значительно запоздавшее, сравнительно, торжественное признаніе совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича. Екатерина почему то медлила этимъ признаніемъ, и—Павелъ Петровичъ только на двадцатомъ году жизни вышелъ изъ подъ воспитательной ферулы, получилъ права личной самостоятельности и тогда-же озаботились объ его бракѣ.

До двадцатилѣтняго возраста продолжалось воспитаніе Павла Петровича подъ руководствомъ тѣхъ самихъ воспитателей, съ Н. И. Панинымъ во главѣ, которые были приставлены къ нему въ отрочествѣ. Въ этотъ-же моментъ, когда императрица признала великаго князя совершеннолѣтнимъ, весь прежній штатъ его воспитателей былъ отставленъ. Всѣ они при этомъ получили щедрыя награды, а Панину былъ данъ, кромѣ того, высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Нынѣ, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына нашего и мы на двадцатомъ его году жизни отъ рожденія съ вами дожили до благополучнаго дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію, воспитаніе великаго князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ изъявить мое признаніе и благодарность за приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о которыхъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить".

Замѣчательно, что нѣсколько позднѣе, по отношенію къ своему любимцу великому князю Александру Павловичу, императрица Екатерина распорядилась справить совершеннолѣтіе необычайно поспѣшно. Извѣстно, что императоръ Александръ I вступилъ въ бракъ, едва имѣя семнадцать лѣтъ.

Въ позднѣйшее время въ актъ обряда совершеннолѣтія царственныхъ наслѣдниковъ престола введена присяга, которая придаетъ этому торжеству важное государственное значеніе. (Новости) *Мих. Н--евичъ.*

— Дѣло Крашевскаго. Благодаря процессу Крашевскаго, почти всѣ газеты занялись польскимъ вопросомъ. Заговорила о польской справѣ не только русская, но и иностранная печать. Дѣло въ томъ, что процессъ Крашевскаго разоблачилъ застарѣлую язву поляковъ, относительно которой многіе думали, что она уже перестала существовать. Эта язва—іезуитизмъ, неразлучный съ польской справой.

Для достиженія своихъ цѣлей сторонники польской справы не брезгаютъ никакими средствами, все освящается ими, лишь бы приводило оно къ завѣтнымъ иллюзіямъ. Можно было думать, что этотъ принципъ раздѣляется лишь людьми, принадлежащими къ мелкимъ натурамъ, не брезгающими и въ частныхъ своихъ сношеніяхъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя признаются безнравственными. Но вотъ предъ нами маститый писатель, столько лѣтъ потрудившійся на литературномъ поприщѣ, пользующійся заслуженною извѣстностью и почетомъ во всемъ образованномъ мірѣ. И этотъ лучшій изъ представителей польской интеллигенціи оказался однимъ изъ дѣятельныхъ агентовъ польской справы, оказался однимъ изъ организаторовъ въ Германіи шайки шпіоновъ, не брезгалъ подкупомъ для полученія секретныхъ распоряженій по военному дѣлу въ Германіи и затѣмъ продавалъ полученныя свѣдѣнія иностраннымъ державамъ. Неужели и этотъ прискорбный фактъ не печальное доказательство существованія въ нѣкоторой части польскаго общества глубокой внутренней язвы, отвлекающей отъ него симпатіи честныхъ людей?

Нѣкоторые склонны думать, что маститый польскій писатель вслѣдствіе неосторожности попалъ въ среду глубоко испорченныхъ натуръ. Самъ онъ утверждаетъ тоже, говоря, что игралъ съ огнемъ, не зная, что имѣетъ дѣло съ огнемъ. Приговоромъ суда это единственное оправданіе отвергнуто и Крашевскій признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Но если мы допустимъ въ данномъ случаѣ даже судебную ошибку, то всетаки остается не опровергнутымъ фактъ организаціи подкуповъ въ цѣляхъ полученія свѣдѣній и то, что Крашевскій не интересовался тѣмъ, кто получаетъ эти свѣдѣнія, уплачивая за нихъ громадныя деньги, не можетъ смягчать вину. Нельзя же допустить со стороны Крашевскаго такой наивности, по которой онъ могъ бы серьезно допускать, что за передаваемыя имъ свѣдѣнія громадныя деньги уплачиваются газетами. Какъ германскій подданный, онъ долженъ былъ знать назначеніе передаваемыхъ имъ свѣдѣній, спеціально относящихся къ военному дѣлу; долженъ былъ поинтересоваться тѣмъ, не передаются ли эти свѣдѣнія врагамъ его новаго отечества. Но, какъ видно, это отечество признавалось имъ только номинально, а на дѣлѣ признавалось другое, надъ созданіемъ котораго трудятся, поляки, для чего, не разбирая средствъ, считаютъ нужнымъ вредить дѣйствительному отечеству. Наконецъ, если бы даже Крашевскій оказался совсѣмъ правъ, то и въ этомъ случаѣ процессъ его не останется безслѣднымъ. Онъ ясно обнаружилъ то, что до сихъ поръ было дипломатической тайной. Въ прошломъ году германское правительство обращалось къ Австріи съ предостереженіями относительно ея податливости къ требованіямъ поляковъ. Былъ слухъ, что тогда же князь Бисмаркъ указывалъ австрійскому правительсѣву на тайную польскую организацію, опасную и для самой Австріи. Теперь оказалось, что такая организація дѣйствительно существуетъ, что поляки усердно работали, имѣя центральный органъ въ Парижѣ, надъ тѣмъ, чтобы по возможности болѣе повредить Германіи и самой Австріи, надѣясь въ чужой бѣдѣ выиграть осуществленіе своихъ иллюзій.

Это послѣднее обстоятельство заслуживаетъ общаго вниманія. Не разъ уже въ нашей печати была указываема связь нашихъ анархистовъ съ поляками. Теперь еще болѣе основаній думать, что эта связь дѣйствительно существуетъ. Разъ обнаружилось, что тайное польское общество дѣйствительно существуетъ и предпринимаетъ дѣйствія, направленныя къ причиненію вреда нѣкоторымъ государствамъ, то нѣтъ основаній отрицать участіе его и въ нашей подпольной средѣ. По справедливому замѣчанію „Моск. Вѣд.“, „наша нигилистическая революція едва ли сама не есть отпрыскъ польскаго заговора. Есть весьма серьезныя основанія полагать, что іезуитско-польское дѣло составляетъ если не все въ нашемъ нигилизмѣ, то нѣчто въ немъ существенное. Оно относится къ нашей нигилистической революціи, какъ душа къ тѣлу, какъ рука къ инструменту. Успѣхъ нигилизма есть именно то, чего только можетъ пожелать, въ своихъ видахъ, іезуитско-польскій заговоръ“. Не можетъ быть сомнѣнія, что та часть сторонниковъ польской справы, которая, какъ это ясно доказываетъ процессъ Крашевскаго, считаетъ священными всѣ средства къ достиженію своихъ цѣлей, не чужда нашей анархической партіи, если только послѣдняя не обязана первой и самымъ фактомъ существованія своего.

Можно надѣяться, что горькій стыдъ, испытываемый въ настоящее время не потерявшими совѣсти поляками по поводу низверженія ихъ литературнаго кумира, будетъ имѣть поучительное значеніе и для поляковъ. Пора сознаться имъ, что всѣ испытываемыя ими бѣдствія создаются ими же самими, создаются ихъ іезуитизмомъ, неразборчивостью въ средствахъ для осуществленія мечтательныхъ стремленій. Пока не исчезнетъ указываемая нами язва, въ русскомъ обществѣ не можетъ исчезнуть недовѣріе даже къ лучшимъ изъ поляковъ, въ виду того, что въ оказанномъ довѣріи нерѣдко приходится тяжело разочаровываться. И въ послѣднемъ отношеніи процессъ Крашевскаго представляетъ намъ поучительный фактъ. Въ 1863 г. нѣкто Залесскій, пріятель Крашевскаго, за участіе въ мятежѣ былъ сосланъ въ Сибирь. Впослѣдствіи онъ былъ не только помилованъ, но и поступилъ на государственную службу. Онъ былъ назначенъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и награжденъ орденомъ. Неужели возможно было еще болѣе гуманное отношеніе къ государственному преступнику? И вотъ этотъ человѣкъ эмигрировалъ изъ Россіи и поступилъ въ члены тайнаго польскаго общества въ Парижѣ. (Кіевл.)

По поводу суда надъ Крашевскимъ „С.-Петерб. Вѣд.“ замѣчаютъ:

Дѣло идетъ все о томъ же политическомъ фантазерствѣ, съ которымъ Россіи не разъ приходилось уже сводить кровавые счеты. Поразительное сопоставленіе: съ одной стороны мечтательная „ойчизна“, отъ моря и до моря политическое значеніе и сила, жадно искомыя, и съ другой— дряхлая старческая рука, собирающая черезъ людей сомнительной репутаціи какія-то свѣдѣнія, непонятная ей самой; дряхлый, старчески забывчивый умъ, сбивающійся при первомъ судебномъ допросѣ, какая-то немощность мысли и слова, какое-то удивительное взрослое ребячество... Такова Польша фантастическая, такова Польша реальная... Было бы слишкомъ легкомысленно предполагать, что процессъ, бросающій на дѣло возстановленія старой Польши комическій оттѣнокъ политическаго шутовства, отучитъ отъ чего бы то ни было неисправимыхъ мечтателей. Міръ иллюзій имѣетъ притягательную силу именно въ томъ, что онъ слишкомъ не схожъ съ сѣрою дѣйствительностью; надо имѣть несомнѣнное мужество, чтобы возвратиться въ эту дѣйствительность изъ рая, хотя только чаемаго, желаннаго, но уже какъ бы ощущаемаго въ болѣзненной восторженности... Но именно мужествомъ такого рода поляки и не обладаютъ и

едва-ли будутъ когда обладать, въ силу особаго склада своего ума, раздвоившагося между замѣчательною практичностью въ дѣлахъ матеріальныхъ и полною неспособностью къ здравому политическому мышленію.

— Извѣстный **галицкій страстотерпецъ, о. Іоаннъ Наумовичъ**, какъ узнали изъ газеты „Новый Проломъ", находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Отлученный отъ уніатской церкви, брошенный въ тюрьму, онъ подалъ черезъ судъ мотивированное заявленіе въ мѣстный магистратъ о своемъ переходѣ въ православіе. Но судъ, по словамъ „Новаго Пролома", не отправилъ его заявленіе въ магистратъ на томъ основаніи, что оно мотивировано; заявленіе же не мотивированное самъ о. Наумовичъ отказался сдѣлать.

О. Наумовича, какъ человѣка, отлученнаго отъ церкви, не впускали въ храмъ, дозволяя ему стоять лишь на паперти... Да и прежде своего отлученія онъ испытывалъ всевозможныя аваріи. Въ день рожденія дочери эрцгерцога Рудольфа о. Наумовичъ зашелъ въ скалатскую церковь и сталъ подлѣ клироса; за это администраторъ, священникъ Леонтовичъ, привлеченъ былъ мѣстною властью къ отвѣтственности. А между тѣмъ, въ это самое время въ церкви сидѣлъ въ креслахъ рядомъ съ уѣзднымъ начальникомъ мѣстный помѣщикъ-еврей, хотя по каноническимъ правиламъ онъ вовсе не могъ быть въ храмѣ... Въ праздникъ водосвятія, когда о. Наумовичъ былъ уже въ заключеніи, тюремный священникъ отказался даже окропить его св. водою, хотя, быть можетъ, въ то же время окропилъ не одного атеиста или нигилиста, не одного грабителя и душегубца!

Вотъ какъ расправляется „Справа" съ предполагаемыми противниками, когда она въ силѣ: и судъ, и храмъ, и самъ святѣйшій папа, все и всѣ обращаются въ орудіе „справы".

— Въ пятницу, 4 мая, въ Св. Синодѣ было окончательно разсмотрѣно новое положеніе **о церковно-приходскихъ школахъ.** Школы эти, не касаясь нисколько существующихъ нынѣ земскихъ и иныхъ школъ, создадутся, по сообщенію ,,Свѣта'', въ вѣдѣніи и въ районѣ прихода, подъ крыломъ духовенства, при участіи попечительныхъ церковныхъ совѣтовъ и прихожанъ, и будутъ вполнѣ изъяты не только изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, но даже училищныхъ уѣздныхъ совѣтовъ.

Новое законоположеніе уже вполнѣ соглашено между вѣдомствами духовнымъ и народнаго просвѣщенія, и, какъ касающееся духовенства и подлежащее всецѣло вѣдѣнію Синода, не пойдетъ уже на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта. Будучи утверждено Государемъ Императоромъ, оно возымѣетъ силу закона. Въ церковно-приходскихъ школахъ, народъ обучится грамотѣ и не разойдется ни съ церковью, ни съ народными вѣрованіями. Совершенно справедливо, чтобы грамотность народа была въ рукахъ церкви. Какъ мать въ домашнемъ быту учитъ своихъ дѣтей первымъ молитвамъ, такъ и въ государственной жизни пусть церковь дастъ народу первые основы грамотности. Министръ народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновъ, много содѣйствовалъ осуществленію дѣла церковно-приходскихъ школъ. Съ точки зрѣнія многихъ лицъ, служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, этому вѣдомству не выгодно выдѣлить въ значительной мѣрѣ изъ своего вѣдѣнія народную грамотность. Но министръ сталъ выше подобныхъ воззрѣній и предпочелъ интересы общегосударственные и народные—интересамъ вѣдомства. Ему и его взглядамъ на дѣло церковно-приходскія школы будутъ обязаны если не всѣмъ, то весьма и весьма многимъ.

Пути Промысла въ развитіи вселенной. Историческіе очерки архимандрита Амфилохія Лутовинова. С.-Петербургъ, 1884, цѣна 3 р. (503 стр.).

Авторъ раздѣляетъ свои историческіе очерки на три періода. Къ первому отнесены „времена первобытныя", вѣкъ исполиновъ и ледяной періодъ. Во второмъ помѣщено „разселеніе и образованіе государствъ"; къ третьему отнесено „развитіе государствъ": царство Фараоновъ, судьбы Израиля, Ассирія и Вавилонъ, Персида. Очерки заканчиваются царствованіемъ Дарія III Кодомана. ,,Судьбы природы, судьбы человѣка, пути Промысла—вотъ предметъ настоящаго слова'', говоритъ авторъ въ своемъ введеніи. ,,Берусь за трудъ выше моихъ силъ, тѣмъ не менѣе берусь, чтобы, какъ смогу, по мѣрѣ моего разумѣнія, свидѣтельствовать Отца и Сына и Святаго Духа—Бога. Моимъ руководствомъ будетъ и Библія, и Боговдохновенное ученіе Отцовъ, и данныя науки. Истина—одна, будетъ ли добыта тѣмъ или другимъ путемъ; только самодовольство ограниченнаго знанія—по словамъ Вундта—вредитъ религіи, и только нетерпимость ограниченной религіозной догмы вредитъ знанію. Необходимо, съ одной стороны, смахнуть пыль (?) неизбѣжно накопившуюся съ вѣками, съ другой—устранить заключенія поспѣшныя и ложныя''.

Нельзя не сознаться, что цѣли автора выражены весьма неясно. Какую ,,пыль'' *необходимо стряхнуть?* Въ чемъ состоитъ эта ,,пыль''? Какіе способы употребляетъ для этого изслѣдователь? Все это требовало бы подробнаго выясненія для того, чтобы читатель въ состояніи былъ усвоить себѣ планъ труда и придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ. За отсутствіемъ такихъ выводовъ со стороны самого автора читатель въ свою очередь поставленъ въ невозможность сдѣлать какое-либо заключеніе о томъ, что хотѣлъ доказать изслѣдователь и достигъ ли онъ своей цѣли. Книга оставляетъ впечатлѣніе простаго обзора и пересказа историческихъ событій сдѣланнаго чрезвычайно страннымъ стилемъ, съ которымъ трудно согласиться даже съ точки зрѣнія литературной. На стр. 349 архимандритъ Амфилохій пишетъ: ,,Ахавъ лично *почиталъ* и боялся *Ильи,* но еще болѣе боялся своей жены-красавицы. Храбрый на полѣ сраженія, онъ претерпѣвалъ самыя позорныя пораженія (?) въ *будуарахъ* своей жены''. На стр. 322 говорится, что у царя Давида ,,кажется *слабѣли нервы*''. На стр. 149 дочери Фараона, нашедшей корзину съ младенцемъ Моисеемъ, докладываютъ, что ,,это *Еврейчикъ*'', между тѣмъ какъ изъ-за кустовъ смотритъ на всю эту сцену ,,сеструшка''. Отцу архимандриту весьма естественно не знать происхожденія и времени появленія въ литературѣ слова *будуаръ*, но съ другой стороны, ему несомнѣнно должно быть извѣстно, что слова этого въ Библейской исторіи не встрѣчается, равно какъ ничего не говорится тамъ о ,,нервности'' царя Давида; этого было бы достаточно, чтобы въ виду серіозности предмета отнестись къ нему съ большею внимательностію въ выборѣ выраженій. Авторъ весьма охотно дѣлаетъ ссылки на разныя, болѣе или менѣе популярныя иностранныя сочиненія: Вундта, Гумбольдта, Роулинсона, Секки, Ленормана, Ляйеля, Вайца, Тейлора,

Спенсера и т. д. Охота къ цитатамъ такъ велика у него что приведя отрывочное выраженіе: ,,неправда постоянно и всюду нарушаетъ гармонію", онъ немедленно же дѣлаетъ ссылку на сочиненіе г. Бунге—*Германія экономическихъ отношеній*. Съ другой стороны, цѣлый рядъ утвержденій остается неподкрѣпленнымъ никакими ссылками, и читателю приходится недоумѣвать составляють ли эти утвержденія открытія автора или же его гаданія, слѣдуетъ ли придавать имъ полную вѣру въ виду духовнаго сана пишущаго и одобренія книги Петербургскою духовною цензурой или же считать эти утвержденія допускающими сомнѣнія. Такъ на стр. 21: Ева ,,отрываетъ *душистый сочный гроздъ*", который ,,ловко извиваясь" уже ранѣе ,,щипалъ" змѣй, и ,,лакомясь" несетъ его Адаму; читателю было бы по меньшей мѣрѣ желательно узнать откуда является ,,гроздъ" вмѣсто ,,яблока". На стр. 24 чрезвычайно картинно описывается судьба, постигшая земной рай послѣ изгнанія изъ него перваго человѣка: ,,Высоко завертѣлъ вихрь пылающій песокъ и разразилась страшная *вулканическая* (?) буря. Быстро начала понижаться площадь рая, и холодныя волны стремительно сокрыли его отъ *любопытнаго* (?) взора людей. Вмѣстѣ съ измѣнившимся склономъ поверхности земной, рѣки орошавшія рай измѣнили свое теченіе". Это очень интересное извѣстіе; но что составляетъ оно: гипотезу, научный фактъ или ,,стряхиваніе пыли", которое обѣщается въ своемъ предисловіи предпринять авторъ? На стр. 367 архимадритъ Амфилохій Лутовиновъ выражается такъ темно о пророкѣ Іонѣ что ни одинъ дипломатъ не пойметъ былъ ли Іона, дѣйствительно поглощенъ китомъ или же только увязъ въ морскихъ травахъ: ,,корабельщики обличеннаго Іону бросили въ бушующія волны чтобъ утолить разсвирѣпѣвшую стихію. Въ *глубинѣ бездны*, въ *гущѣ морской травы*, Іона воззвалъ къ Іеговѣ, и Онъ услышалъ молитву, извелъ пророка изъ *чрева кита-всеядца*, изъ чрева ада. На третій день *море выбросило* Іону на финикійскій берегъ". Мы думаемъ что этихъ немногихъ выдержекъ будетъ достаточно, чтобъ объяснить то странное впечатлѣніе, которое производитъ указываемое нами сочиненіе, а странность эта заключается въ томъ, что несмотря на серіозность предмета и сана автора, книга его серіознаго впечатлѣнія не производитъ. Подробный критическій судъ надъ нею долженъ быть, разумѣется, предоставленъ спеціалистамъ. Мы имѣли дѣло лишь съ ,,историческими" очерками которые произвели на насъ непріятное впечатлѣніе своимъ безвкуснымъ литературнымъ стилемъ, не соотвѣтствующимъ спокойному достоинству перифразироранной посредствомъ него библейской исторіи. (Моск. Вѣд.)

О торжественномъ погребеніи несчастныхъ самоубійцъ.

Въ «письмахъ Московскаго митрополита Филарета къ покойному архіепископу Тверскому Алексію» подъ 8 № помѣщено письмо по поводу прошенія ректора о дозволеніи совершить соборнѣ и не въ приходской, а въ лаврской церкви погребеніе студента, застрѣлившагося въ припадкѣ умопомѣшательства. Въ этомъ письмѣ владыка-митрополитъ пишетъ: «Естьли несчастную смерть хотите украсить почетнымъ погребеніемъ; вы готовите оскорбленіе для смерти благочестивой, равняя съ нею несчастную. Назидательно-ли вашимъ подчиненнымъ увидѣть изъ вашихъ распоряженій, что худая смерть также можетъ быть украшена какъ и благочестивая? Не соблазнъ-ли это и постороннимъ? Величаться, когда Богъ послалъ смиряющее событіе, будетъ-ли угодно Богу?... Провидѣніе Божіе не случайно попускаетъ поражающія событія, но или въ наказаніе, или въ наставленіе. Какое же наставленіе можемъ мы заимствовать изъ случившагося? Мало-ли на свѣтѣ ипохондриковъ и умоповрежденныхъ, которые переносятъ непріятности своей жизни, и если не хранятъ сами себя, хранимы бываютъ Провидѣніемъ? Почему это? Не потому-ли, что въ нихъ прежде вкоренены были нѣкоторыя благія мысли и чувствованія и были въ ихъ прежней жизни благія дѣла, вслѣдствіе чего не оставляетъ ихъ совсѣмъ благодать охраняющая? Если же попускается врагу душъ играть жизнію человѣка, то не потому-ли что не довольно были въ немъ утверждены прежде начала добра, съ которыми соединено бываетъ благодатное охраненіе!»—Это сужденіе мудраго святителя, отличающееся суровостію, на которую въ томъ же письмѣ впрочемъ онъ отвѣчалъ словами Соломона, что *достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага*, особенно цѣнно въ наши дни, когда съ умноженіемъ самоубійствъ усиливается, такъ сказать, благосклонное отношеніе къ погибшимъ.

Содержаніе № 20.

Предыдущій № сданъ на почту 15-го Мая.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій*.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1884 г.